

УДК [94 (47+57) + 94 (430)] – 054.62 » 19»

Н. В. Венгер

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ИДЕЯ О ЕДИНОЙ РУССКОЙ НАЦИИ И «НЕМЕЦКИЙ ВОПРОС» В МИРОВОЗЗРЕНИИ П. А. СТОЛЫПИНА: МЕЧТАЯ О ВЕЛИКОЙ РОССИИ...

Вивчено погляди П. А. Столипіна щодо ідей формування єдиної російської нації та його оцінка становища «німецького питання» в Російській імперії, визначено зв'язок сформованої ним «практичної ідеології» з попередньою та подальшою традиціями націоналістичного дискурсу.

Ключові слова: Пізня Російська імперія, національна ідея, російський націоналізм, П. А. Століпін, колонізація, «німецьке питання».

Изучены взгляды П. А. Столыпина на идею формирования единой русской нации, а также его оценка состояния «немецкого вопроса» в Российской империи. Определена связь сформированной им «практической идеологии» с предшествующей и последующей традициями националистического дискурса.

Ключевые слова: Поздняя Российская империя, национальная идея, российский национализм, П. А. Столыпин, колонизация, «немецкий вопрос».

Studying P. A. Stolypin's views and policy concerning national idea and «German problem» in Late Russian Empire, the author explains their features and connection with previous and following traditions of the Russian Nationalism.

Key words: Late Imperial Russia, P. A. Stolypin, national idea, Russian nationalism, colonization, «German problem».

Es werden die Ansichten von P. A. Stolypin zur Formung einer homogenen russischen Nation sowie die Bewertung der «deutschen Frage» im Russischen Reich behandelt. Bewertet wird die Kausalität zwischen der von Stolypin entwickelten «praktischen Ideologie» und den früheren und späteren Traditionen des nationalistischen Diskurses.

Schlagwörter: Spätes Zarenreich, nationale Idee, russischer Nationalismus, P. A. Stolypin, Kolonisation, deutsche Frage.

Идея о единой нации, возникшая в России в XIX ст. и являвшаяся важнейшим постулатом российского национализма, нашла отражение во всех идеологических направлениях и политических дви-

жениях того времени. Не отрицая важности данной идеи и рассматривая её как важнейший фактор консолидации общества, усиления государства и его мощи, приверженцы различных политических и культурных течений тем не менее определяли её по-разному. Отсутствие гражданского поля и, следует признать, непримиримые социальные противоречия, объективно сложившиеся в империи к середине – концу столетия, не позволили обществу выработать единого представления о путях формирования единой нации, а также о её конечном образе. Более того, в условиях российской действительности путь между абстрактной моделью и её практическим воплощением оказался исключительно долгим и не достиг своего завершения. В результате Российская империя утратила возможность превращения в державу, усиленную и объединённую не только силой государственности, но и спланирующей её национальной идеей. Несомненно, что определённую роль в этом сыграла позиция политической элиты, и в том числе деятельность П. А. Столыпина – одной из знаковых, многомерных и противоречивых фигур российского политикума начала XX ст. Деятельность Столыпина на высшем этапе его карьеры была направлена на решение многих узловых проблем российской модернизации. Цель данного исследования состоит в изучении позиции премьер-министра Российской империи относительно перспектив формирования нации как своеобразного политико-идеологического проекта, который, будучи сформированным Столыпиным на основе его предшествующего административного опыта, оказывал влияние на проводимую им внутреннюю политику на имперском уровне. Мы также попытаемся выяснить, в какой мере сформулированные им идеологемы теории отразились на развитии «немецкого вопроса» – одной из узловых проблем системы межэтнических противоречий Российской империи начала XX ст. Чрезвычайно примечательным обстоятельством следует признать тот факт, что к XX стол. род Столыпиных состоял в родстве со многими важными для российской истории фамилиями, в том числе и известными своей неиндифферентностью к национальному вопросу: Евреиновыми [11], Катковыми [13], Чаадаевыми [51], и, по справедливому замечанию М. О. Меньшикова, «вместили в себя всю русскую историю» [18]. Данный факт видится нам весьма символическим и позволяет, в определённом смысле, рассматривать деятельность Столыпина как своеобразный результат, идеологический рубеж в практической национальной политике государства накануне Первой мировой войны и разработанного в её условиях Ликвидационного законодательства.

Источники и литература. Современники, которые оценивали Столыпина как крупного государственного деятеля, представили первую, преимущественно позитивную версию интерпретации результатов его политической деятельности [15; 31; 58]. Советские историки фокусировались преимущественно на исследовании причин и последствий переселенческой реформы, рассматривая их в связи с задачами решения крестьянского вопроса в России. Они негативно оценивали результаты деятельности политика начала XX ст., нередко вырывая из контекста его выступлений отдельные цитаты, комментируя их либо искаженно, либо неполно, тем самым представляя неадекватный политический портрет деятеля [1; 9; 32].

Современные российские историки исследуют деятельность П. А. Столыпина применительно к решению проблем современной России, презентуя более полный и преимущественно позитивный образ политика-консерватора [1; 3; 7; 8; 10; 12; 23; 54]. Взгляды Столыпина по национальному вопросу нашли отражение в работах С. Бааха [2], Л. Малиновского [17], А. Я. Авреха [1]. В целом ознакомление с доступной нам историографией подтверждает, что деятельность личности столь значительного масштаба, каким был П. А. Столыпин, всё ещё оставляет простор для тем и интерпретаций, заслуживает более детальной презентации, глубокого осмысления, тщательного обсуждения, толерантного и вдумчивого отношения к оппозиционным взглядам.

В качестве основной группы источников данного исследования мы рассматриваем наследие самого Столыпина, и, прежде всего, его речи, произнесённые на заседаниях Государственной Думы и Государственного совета. Среди них: речь на заседании Думы 16 ноября 1907 г.; выступление по вопросу выборов членов Государственного совета от девяти западных губерний от 8 мая 1909 г.; выступление в Думе от 7 мая 1910 г. и 21 мая 1910 г.; последнее публичное выступление П. А. Столыпина 27 апреля 1911 г. [35–47]. Последовательное ознакомление с данными материалами позволяет избежать, прежде всего, «синдрома вырванных цитат». Хотя большинство данных выступлений имеют опосредованное отношение к теме нашего исследования, они не только проясняют позицию Столыпина по национальному вопросу, но и позволяют понять мотивацию политика, проследить творческую лабораторию его реформ.

Следующий кластер важной для раскрытия проблемы информации представлен перепиской Столыпина. В свете предложенной темы информативным потенциалом обладает корреспонденция как с пред-

ставителями российского политикума (П. Д. Святополк-Мирским, А. В. Кривошеиным, А. Н. Меллер-Закомельским, А. М. Шварцем) [39], так и с членами его семьи.

Важными для понимания личностной эволюции Столыпина на фоне его карьерной практической деятельности являются воспоминания дочери, М. Бок [4], а также свидетельства других деятелей, составлявших ближнее и дальнее окружение политика (И. И. Тхоржевского, С. Е. Крыжановского, П. Г. Курлова).

Формирование взглядов Столыпина по национальному вопросу на начальном этапе деятельности (1889–1906 гг.).

Как показывают наши предварительные исследования, идея о единой нации изначально формировалась в системе российского национализма. По мере вступления России в процессы модернизации внутренние противоречия в империи становились столь сильными, что идеология национализма приобретала не консолидирующий, а, скорее, конфронтационный характер. Формируемая властями национальная политика всё определённое превращалась в совокупность мер, разрабатываемых для мониторинга состояния отдельных представителей нетитульной нации, чем в политику, направленную на нациетворчество – позитивную работу формирования общих целей для всего населения империи, а также на составление адекватного сценария их достижения. Как нам видится, деятельность П. А. Столыпина не была исключением и разворачивалась в соответствии с данной тенденцией. Его позиция явилась результатом эволюции жизненного и административного опыта политика.

Исключительно важным для нас является тот факт, что начало восхождения Столыпина связано с западными губерниями – одним из отдалённых и проблемных регионов государства, специфика проживания и деятельности в которых неизбежно обуславливала контакты деятеля с представителями множества национальностей, населявших этот полиэтничный регион. В дальнейшем Столыпин был назначен на пост губернатора Саратовской губернии (1904–1906), территория которой, как известно, в XVIII ст. была одной из целевых зон колонизации. Стремительная карьера после 1906 г. заставила Столыпина не просто действовать в рамках заданных условий (в том числе и этнонациональных), но и подходить к национальному вопросу, как он неоднократно повторял, с государственных позиций.

«Столыпин был патриотом и русским националистом» – таковой является одна из устоявшихся дефиниций, применяемых для оценки деятельности политика. Таким, например, описывал его один из

современников, И. И. Тхоржевский: «...Упрямый русский националист, он был и упрямейшим, подтянутым западником: человеком чести, долга и дисциплины. Он ненавидел русскую лень и русское бахвальство...» [5, с. 47]. Не вдаваясь в подробности определения «русский националист» и того, что значило в понимании современников тех событий используемое понятие, заметим, что большую часть своей жизни Столыпин всё же провёл за пределами центра России. Будущий председатель Совета министров империи родился в Дрездене, а его детство и ранняя юность прошли в Литве. Он обучался в Виленской гимназии, и свои летние каникулы будущий политик проводил не в России, а в Швейцарии. После окончания Санкт-Петербургского университета Столыпин около 15 лет служил в западных губерниях (с 1889 г. занимал должность ковенского уездного предводителя дворянства, с 1899 г. – предводителя дворянства Ковенской губернии, затем – Гродненского губернатора). В те годы в центральной России Столыпин бывал реже, чем в Германии. Когда в 1903 г. он, будущий премьер, был назначен на пост саратовского губернатора, то, по воспоминаниям близких, чувствовал себя словно иностранец. М. Бок, дочь Столыпина, вспоминала, как непросто было семье привыкать к русскому быту после переезда в Саратов: «Давали о себе знать годы, проведённые на окраине России» [4, с. 125]. Вспоминая «западный» период деятельности отца, она писала: «Когда я была ребёнком, [то] и управляющий Оттон Германович Штраухман, и кучер Осип, лакей Казимир, и пастух Матутайтис, и птичница Евка представлялись мне такими же неотъемлемыми от нашей жизни и необходимыми существами, как и родные» [4, с. 65]. Несомненно, что данные строки исключительно верно отражают этнические особенности регионов, где долгое время проживал и нёс службу П. А. Столыпин. По сведениям на 1890 г. из 1 638 374 чел. населения Ковенской губернии православные составляли лишь 25 % (42 876 чел.). Остальная часть была представлена литовцами (до 40 %), латышами, евреями (до 25 %), поляками. Здесь же проживало и некоторое количество немецких семей (3 312) [14]. Не менее разнообразным был этнический состав Гродненской губернии. Хотя русское население в данном регионе и преобладало (около 54 %), здесь же проживали евреи (19 %), поляки (20 %), немцы-колонисты (7 088 чел.) [56].

Служебные обязанности обуславливали общение Столыпина с представителями различных этнических групп, которые нередко оказывались образованными и достойными людьми. Во многом по этой причине чувство так называемого «бытового национализма» не было

свойственно ни мировоззрению Петра Аркадиевича лично, ни членам его семьи. Об этом свидетельствуют как private материалы политика, так и воспоминания из его близкого окружения. М. П. Бок писала, например, о том, что живя в Ковне и губернии к евреям Столыпина относились как к «необходимой принадлежности родного края» (в данной губернии количество еврейского населения составляло 25 %) [4, с. 73]. По её же свидетельству, в Гродно Столыпин поддерживал товарищеские отношения с польским помещиком Владиславом Теллофоровичем Дудлевичем, водил знакомство с князем Чарторыйским, «элегантным поляком с манерами и французским языком доброго старого времени» [4, с. 115]. Последний «часто за-просто» бывал в их доме. Столыпин сам весьма прилично говорил по-польски. Литовских крестьян он также не считал чужими, и по выражению М. П. Бок, они были для него «частью народа», «нашими крестьянами» [2, с. 229]. Переехав в Саратов, а затем в столицу, семья Столыпиных возила с собой прислугу, которая служила в их доме ещё со времён проживания в Ковенской губернии.

Национальный и вероисповедальный признаки на начальном этапе карьеры не были для Столыпина определяющим фактором ни в личных отношениях, ни в вопросах государственной службы. Пожалуй, на «западном» этапе своей карьеры и сам политик мог бы назвать себя космополитом, каким сформировал его окраинный опыт и европейское образование. Исследователь А. П. Бородин по этому поводу заметил: «Бесспорно, национальное чувство у Столыпина было развито. И это было здоровое чувство национальной гордости и национального достоинства, свободное как от пренебрежения и ненависти к людям иной национальности, так и унижительного заискивания перед ними» [5, с. 121].

Одновременно с первым опытом управленческой деятельности на этапе пребывания в западной части империи формировались личные представления Столыпина о возможных путях развития России, складывалось понимание модели порядка и государственного блага. Образование позволяло Столыпину находить множество позитивных исторических параллелей и примеров, которыми империя могла бы воспользоваться во благо себе и своим соседям. Материалы для сопоставления он находил, в том числе, и на примере граничащих с Россией и других государств. Весьма позитивно Столыпин относился к, условно говоря, «модели» немецкого государства.

Германию Столыпин считал «идеалом для многих культурных стран». Там он бывал чаще, нежели в центральной части империи.

Н. П. Шубинский – современник, автор статьи-эпитафии «Памяти П. А. Столыпина», пояснял: «Его симпатии привлекала Германия, сложенная из инородных тел, признающих однако неуклонно общеимперский строй, его законы, язык, правовые нормы» [57, с. 27]. М. П. Бок вспоминала: «Было у нас ещё одно имение в Ковенской же губернии на границе Германии, куда, за отсутствием в той же местности нашей железной дороги, папа ездил через Пруссию. Он всегда много рассказывал о своих впечатлениях, возвращаясь из такой поездки «за границу», восхищаясь устройством немецких хуторян и с интересом изучая всё то, что считалось полезным привить у нас. И многое из виденного и передуманного послужило ему основой при введении им земельной реформы много лет спустя» [4, с. 43]. Дети, похоже, также унаследовали позитивное отношение отца к западному соседу и, возвращаясь из заграничных поездок, делились своими впечатлениями. М. Бок писала: «И какая же разница между нашими деревнями и беленькими немецкими домиками; между нашими русскими раскинувшимися на необозримые пространства полями и аккуратненькими четырёхугольниками полей немецких!» [4, с. 102].

Когда Столыпин возглавлял Ковенское общество сельского хозяйства, он вынужденно решал ряд проблем развития губернии, связанных с объективными обстоятельствами соседства с Германией. Занимаясь организацией сети сельскохозяйственных складов в Ковенской губернии, изучал постановку дела в Германии и неоднократно посещал страну. Тогда же он познакомился с явлением стихийного перехода крестьян Ковенской губернии от подворного владения к «колониям» (хуторам), устраиваемым по образцу фермерского хозяйства Пруссии. Позитивно оценивая данные процессы, Столыпин писал: «Колониальное владение землею представляет, несомненно, высшую ступень развития в использовании земли по сравнению с чересполосным подворным владением» [5, с. 17]. В одной из речей касательно западных земств он убеждал, оглядываясь на Германию: «Но господа, ведь рядом, межа к меже за государственной границей люди живут в одинаковых условиях, лихорадочно работают, богатеют, создают новые ценности, накапливают их, не зарывают своего таланта в землю, а удесятят в короткий срок силу родной земли... Это движение там, да и не только там, но даже и в странах, которые считались ещё недавно варварскими и дикими, создаётся тем, что люди там поставлены в положение самостоятельности и личной инициативы» [42, с. 328].

В ближайшем окружении Столыпина, кроме поляков и евреев, встречались и немецкие фамилии: семья героя Крымской войны графа Тотлебена, графини Крейц, фермера Миллера. С немецким укладом жизни, укоренившимся в России, Столыпин неожиданно для себя столкнулся и в период управления Саратовской губернией, которую М. Бок характеризовала как «большую по размерам, не подчинённую генерал-губернатору и населённую разными народностями, являвшими собою поразительные контрасты. В её степях жили полудикие, близкие по своему образу жизни к кочевникам, киргизы, рядом с кочевниками вы попадали в Сарепту, немецкую колонию, с аккуратными белыми домиками, электричеством, водопроводом и богатую вообще всем, что давала культура...» [4, с. 118]. По свидетельству Харизоменова, автора статьи о губернии, подготовленной для издательства «Брокгауз и Евфрон», на рубеже столетий в Саратовской губернии проживало около 166 528 чел. (10 %) немцев, преимущественно бывших колонистов, поселения которых находились в Камышинском, Саратовском, Аткарском и Царицынском уездах [53].

Выполняя обязанности губернатора, Столыпин вынужден был совершать ознакомительные и контрольные поездки по региону. Немецкую колонию Сарепту он посетил, судя по письмам к родным, между 8 и 14 июня 1904 г. Находясь под позитивными впечатлениями от данного визита, Столыпин в письме близким писал: «Это уголок старинной Вестфалии, целиком перенесенный в наши степи. Деревушка каменных домиков, вся мощёная, с водопроводом, вся в садах, в виноградниках. Волостной старшина, писарь, волостные судьи европейски образованны. Порядок – не к чему придраться. Вместе с тем корректность полная, всё по-русски. За скромною трапезою, когда их оркестр заиграл гимн, все немцы громко запели «Боже царя храни». Несмотря на воспитанность и образованность, старшина на своей фабрике сам при нас показывал, как он выделяет горшки, а председатель волостного суда в своей пекарне поднёс мне пряников своего производства» [50]. Данные описания выглядят контрастно с положением других крестьян губернии, которые зимой «целыми деревнями занимались профессиональным нищенством», относительно чего Столыпин утверждал, что положение крестьян в России «ненормально и неблагополучно».

Национальный вопрос и идея о единой русской нации в программе Столыпина.

Примеры западной рациональности, которые, как показывала практика, могут быть успешно привиты и укоренены и на русской

почве, Столыпин считал позитивным явлением, рассматривая культурный обмен и трансляцию положительных качеств важным дидактическим средством для русского населения империи. Так, например, во время посещения Царицынского завода Урало-Вожского металлургического общества, учрежденного на средства парижских и петербургских банков, он с удовлетворением отмечал: «Завод этот – один из самых больших в России. Часть рабочих – французы и большая часть мастеров тоже. Рядом французская деревня и русская. Теперь понемногу подучились наши, и французы заменяются русскими. Рабочие очень хорошо обеспечены. Школа, больница образцовая, так что стачек совсем не бывает, беспорядков тоже. Половина инженеров французы, половина – русские» [50]. В этом Столыпин видел самое действенное средство борьбы с революциями, о кровавых последствиях которых знал не понаслышке: известно о 40 покушениях на политика лично и его семью. Как вспоминал Н. В. Пятницкий, в России «до Столыпина умели бороться только с революционерами, но не с революцией» [30].

Признавая положительное влияние иноземного опыта и западной ментальности, Столыпин был далёк от их абсолютизации для России. Его личная цель, которую он в контексте своих реформ провозгласил как важнейшую государственную задачу, состояла в эволюции и трансформации российского социального ресурса. В своём выступлении, произнесённом в Государственном Совете 26 марта 1910 г., Столыпин пояснял: «По нашим понятиям, не земля должна владеть человеком, а человек должен владеть землей. Пока к земле не будет приложен труд самого высокого качества, труд свободный, а не принудительный, земля наша не будет в состоянии выдерживать соревнование с землёй наших соседей, а земля – это Россия» [40, с. 255]. Задумываясь о методах активизации крестьянства, он писал: «Надо дать свободы, но при этом добавлю, что предварительно нужно создать граждан и сделать народ достойным свободы...» [3, с. 17].

Программа реформ Столыпина была призвана обеспечить государству стабильность, в том числе и в национальном вопросе: «Правительству желательно было бы изыскать ту почву, на которой возможна совместная работа, найти тот язык, который был бы одинаково нам понятен. Я отдаю себе отчет, что этим языком не может быть язык ненависти и злобы. Я им пользоваться не буду» [3, с. 117]. В первом выступлении, произнесённом в Государственной Думе 16 ноября 1907 г., он сообщает, что вверенное ему «правительство надеется обеспечить спокойствие страны, что даст возможность все

силы законодательных собраний обратить ко внутреннему устройству» [38, с. 99]. Совершенно бесспорно, что политик, находясь у руля государственной политики, едва ли пожелал бы усугубить этот мегасоциальный конфликт национальным.

Настоящей заботой Столыпина были два направления реформаторской деятельности – крестьянская реформа и обеспечение прав нижних слоёв общества. Закономерным звеном данной логической цепи было уравнение прав российских крестьян с положением тех этнических групп, которые на различных этапах формирования империи получали привилегии, с разной степенью полноты сохранившиеся до начала XX ст. По этой причине на начальном этапе реформ он склонялся к созданию преимуществ и возможностей для русского населения. Столыпин полагал, что если упомянутые ранее привилегии во многом создавали надконкурентные условия развития колониистских этнических общностей и регионов их проживания, то настало время для возвращения долгов исконно русскому народу. При этом Столыпин несколько наивно полагал, что условия – едва ли не единственное средство достижения результата. Финский, польский, немецкий вопросы решались в контексте данных убеждений. В связи с этим весьма показательным является письмо, направленное Меллер-Закомельскому – временному генерал-губернатору прибалтийских губерний, где Столыпин излагает предысторию возникновения проблемы, а одновременно и своё понимание принципов российской колонизации: «...Русское правительство никогда не стремилось к денационализации проживающих в пределах государства народностей. Весь ход исторического развития Империи показывает, что при присоединении к государству земель, населенных инородческими племенами, монархи российские, желая обеспечить каждой народности привычный ей строй жизни, стремились обыкновенно сохранять неприкосновенными установившиеся в данной местности правовые отношения, предоставляя в то же время отдельным лицам из числа присоединенных народностей приобретать преимущества, присвоенные русским сословиям» [39]. Признавая, что межэтнические отношения нередко имели противоречивый характер, Столыпин комментировал, что ограничения, которые прослеживались в политике по отношению к представителям некоторых этнических групп (речь явно идёт о поляках), предпринимались исключительно с целью ограждения коренных интересов русских: «Такие исключительные меры принимались только в тех случаях, когда таящиеся среди некоторых

присоединенных народностей сепаратистские стремления оказывались опасными для целостности государства» [39].

Обязательным условием жизнеспособности намеченных реформ «во имя унификации состояния» Столыпин считал «русские национальные начала»: внизу – развитие самоуправления, передача ему государственных обязанностей и создание «крепких людей земли, которые были бы связаны с государственной властью»; наверху – «законодательный новый представительный строй, который должен придать новый блеск Царской Верховной власти» [43, с. 273]. Таким образом, Столыпин подчеркивал, что «та сила самоуправления, на которую будет опираться правительство, должна быть всегда национальной» [38], то есть государственной. Под «национальным самоуправлением» он понимал такой тип, который организован с позиций государственной выгоды, то есть при преимущественных возможностях для русского населения, а именно «ограждении государством отдельных племенных групп путём пропорционального представительства, так как иначе более сильные, более многочисленные группы поглотили бы, подавили бы более мелкие национальные группы, которые точно также развились историческим путём» [43, с. 272]. Это Столыпин считал актом подчинения «земской идеи государственной».

Для комментария очерченного проекта, воспользуемся анализом Шубинского, который пояснял, что «... яркой политической идеей Петра Аркадиевича был национализм. И здесь одни видели угнетение нерусских народностей; другие – апофеоз справедливости в отношении русской народности. Как всегда, крайности ни к чему не привели, кроме обострений и непримиримости. Первые открыто стояли за распад русского государства; вторые – за цельность его и недопущение принижения русской народности и её государственного уклада. Для Петра Аркадиевича Российское государство было единое и нераздельное. Он не стремился к какому-либо династическому господству русского народа над другими, но и не мог перенести унижения русского народа на почве интернационализма или культурных превосходств» [57, с. 27].

Принимая вызов комплекса этнонациональных проблем, Столыпин был убеждён, что государственный подход к решению национального вопроса состоял в том, чтобы отказаться от субъективного подхода, а именно решения конкретного вопроса с позиции отдельной этнической группы: «Прежде всего, Россия будет Российским государством, а затем будем толковать о подразделениях и устрой-

ствах внутри неё разных народностей – финнах, эстонцах, поляках, хохлах, татарах и т.д. Не будем вытравливать процессов истории и её несокрушимого уклада» [5, с. 121].

Представления Столыпина о благе для России были связаны с идеей о единой нации, которую он определял как русскую нацию. Империю Столыпин представлял как единое неделимое государство, в котором «власть есть хранительница государственности и целостности русского народа..., [должна] действовать и отстоять то, что ей вверено» [3, с. 111]. Таким образом, главную миссию России Столыпин видел в объединении этнических общностей. Признавая ответственность власти за сохранение единства империи, он отвергал даже малейшие намёки на децентрализацию и автономию, исходящие, прежде всего, от поляков и финнов, считая их предложения по меньшей мере неуместными, провокационными и преждевременными в условиях государства, ослабленного революционными потрясениями: «Она [децентрализация] может идти только от избытка сил, а её у нас требуют в минуту слабости, её хотят вырвать у нас вместе с такими корнями, которые должны связывать всю империю, вместе с теми нитями, которые должны скрепить центр с окраинами» [34]. Та враждебность, которую польская интеллигенция продемонстрировала в событиях 1905 г., была важным, как полагал Столыпин, уроком: «Когда слабеет в крае русская творческая сила, выдвигается и крепнет польская...» [34]. Следовательно, чтобы не допустить подобного в будущем, «русская творческая сила» должна доминировать.

Однако доминирование, пояснял П. Столыпин, вовсе не означает подавление. В одной из речей, проясняющих позицию премьера по финскому вопросу, в июле 1910 г., политик убеждал: «Россия – не культурогаситель. Россия сама смело шагает по пути усовершенствования. Россия не обречена стать лишь питательной почвой для чужих культур и для чужих успехов» [41, с. 311]. Предпочитая путь объединения альтернативе автономии, он не отрицает возможности и важности сохранения самобытности отдельных этнических групп: «Слияние – это не децелнационализация инородческого населения, а мирное приобщение его к общему течению русской государственной жизни и возможное сближение местных жителей с русской общественностью при условии сохранения религиозных и племенных их особенностей» [41, с. 311].

Как следует из приведенной выше цитаты, Столыпин ждёт от представителей других этнических групп осознанного чувства гражданственности, понимания необходимости и желания стать звеньями

единой русской нации, а также проявления патриотических чувств. Отвечая на упрёки представителей польской политической элиты в Думе, он призывал: «Станьте сначала на нашу точку зрения. Признайте, что высшее благо – быть русским* гражданином, носите его так высоко, как носили когда-то римские граждане, тогда вы сами назовёте себя гражданами первого разряда и получите все права» [38].

Имперское государство, как полагал политик, сильно единством объединённых в него народов. Излагая идеальную модель империи как многонациональной политики в выступлении в Государственном совете 4 марта 1911 г. по вопросу о национальных отделениях в западных земствах, Столыпин пояснял: «Можно понимать государство как совокупность отдельных лиц, племён, народностей, соединённых одним общим законодательством, общей администрацией. Такое государство, как амальгама, блюдет и охраняет существующие соотношения сил. Но можно понимать государство и иначе, можно мыслить государство как силу, как союз, проводящий народные исторические начала. Такое государство, осуществляя народные заветы, обладает волей, имеет силу и власть принуждения, такое государство преклоняет права отдельных лиц, отдельных групп к правам целого. Таким целым я почитаю Россию» [47, с. 339]. В представленной выше цитате, на наш взгляд, фактически изложена концепция русской нации Столыпина. Нам видится, что она не основывается на шовинизме, но на классической идее, некогда сформулированной Цицероном, а затем воспринятой некоторыми европейскими просветителями о подчинении интересов отдельной личности интересам большинства, а здесь – отдельного этноса интересам государства.

Важнейшей проблемой российского националистического дискурса всегда была проблема языка. Что касается Столыпина, в данном вопросе он оставался непреклонен: «В России господствующий язык – русский; везде на окраинах – равноправие русских с туземцами, но не положение русских как бы иностранцев среди них, ибо окраины лишь органические части России» [57, с. 28]. Представители польской элиты в качестве аргумента к тезису о неравноправном положении польского населения на окраинах сообщали, что в Царстве Польском в 1900 г. было меньше школ, чем в 1828 г. Столыпин сообщает, что он знаком с данным фактом и аргументирует его следующим образом: «Я на это отвечаю следующее: не только мало школ, но там нет даже высшего учебного заведения, и высшего учебного

* Здесь в смысле российским.

заведения там нет потому, что те граждане, которые только что называли себя гражданами «второго разряда», не хотят пользоваться в высшей школе общегосударственным русским языком» [36, с. 114].

Позиция Столыпина вызывала неоднозначные оценки российского политика. Оппозиция справа находила его «либеральным, конституционным и уступчивым» [3, с. 117]. Левые утверждали, что он слишком консервативен и национален, а его реформу земского представительства называли «противокультурным национализмом», уничтожающим самую идею самоуправления. Сам же Столыпин называл себя «представителем мирной русской эволюции» [3, с. 115]. Не вызывает сомнения, что взгляды Столыпина периода премьерства пережили существенный сдвиг вправо, к консерватизму. На наш взгляд, данная трансформация была вызвана следующими обстоятельствами. Поскольку в своих убеждениях относительно единства государства Столыпин не получал поддержку слева, а также считая призывы левой оппозиции дестабилизирующими общество и государственные устои, он склонен был поддерживать праворадикальные охранительные силы. Например, политик был осведомлен о деятельности «Русского окраинного общества», основанного в 1908 г., в состав которого входили члены Государственного совета (Дейтрих, Д.И. Пихно, Н.Д. Сергиевский, А.А. Ширинский-Шихматов) и член Думы С. Н. Алексеев [20]. Как известно, на базе данной группы в ноябре 1909 г. была образована отдельная Думская фракция русских националистов. Меньшиков, один из идеологов «окраинного общества», в статье «Чье государство Россия?» писал: «Русское государство – это государство русских. Тезис, что «инородцы» – такие же граждане, как и русские, неприемлем в принципе: «Конечно, не такие и не Должны быть такими» [19]. Одним из объединяющих фракцию лозунгов был призыв: «Россия для русских».

Однако национализм Столыпина был иным. В отличие от позиции Меньшикова, которая разбивала общество на «они» и «мы», неизбежно создавала условия конфронтации и конфликта, Столыпин, как ответственный политик, искал компромисс. Его позиция в прямом смысле слова была охранительной. Теория Столыпина о единой русской нации, как уже было отмечено выше, предусматривала добровольное объединение отдельных этнических групп и унификацию их прав. П. Г. Курлов, товарищ министра внутренних дел, командир отдельного корпуса жандармов, по этому поводу замечал: «Столыпин не был поклонником политики насилия, но проведение строгой системы подчинения окраин центру государства было для

него выражением владевшей им мечты о «Великой России») [16]. Тактике унификации политик следовал и в решении «немецкого вопроса».

Столыпин и немецкая колонизация Сибири. «Немецкий вопрос» Столыпин не определял как проблему общеимперского масштаба, однако неоднократно подчеркивал её политическую и административную обусловленность. Немецкое население и представление о его значении для развития государства не исчезало из сферы контроля политика и явилось отражением общей системы взглядов Столыпина на решение национального вопроса в России. Будучи поклонником Германии, как одной из цивилизованных стран мира, почитая её бытовую и политическую культуру, с одной стороны, и признавая пользу от использования немецкой рациональности в колониях России — с другой, политик всё глубже убеждался в возможности и необходимости кардинального решения проблемы русского крестьянина, а именно: ликвидации последствий диспропорциональности условий развития сельского населения отдельных этнических групп, которые, как он полагал, были обусловлены прежней надконкурентной ситуацией развития нерусских групп. В связи с этим, всячески популяризуя свои реформы, Столыпин позволил остановить приобретение помещичьих земель немцами-колонистами в Сибири.

Колонизация Сибири привлекла внимание Столыпина в 1910 г. Причиной его интереса были два обстоятельства: его поездка в регион, а также публикации в пронационалистической прессе (газетах «Объединение», «Новое время», «Голос Руси», «Дело Отечества»). Путешествуя по Сибири в 1910 г., Столыпин посетил деревни немцев-колонистов в Кулундинской степи. Как известно, премьер был удостоен радушного приёма. Он торжественно вручил колонистам деньги на создание школы, а меннонитам обещал провести железную дорогу [17, с. 121]. Отчёт о поездке в Сибирь, по словам Столыпина, «прекрасно и талантливо составленный Кривошеиным», получил статус секретного документа и сохранил в тайне позитивные отзывы от посещения селений. Вместо этого премьер-министр создаёт «Проект закона о колонистах», а год спустя, в мае 1911 г., пишет управляющему землеустройством и земледелием А. В. Кривошеину весьма симптоматичное письмо [39]. Он просит разобраться, на каких условиях были основаны немецкие поселения. Речь шла о 46 посёлках, расположенных на казенных землях (3430 семей с населением свыше 20 000 душ обоего пола), которые получили 250 000 десятин. Столыпин утверждает, земельная ситуация в данном регио-

не «не соответствует интересам русских людей и ... [с точки зрения] государственных интересов [является] совершенно нежелательной». Столыпин требовал от Кривошеина вмешательства и «ограждения интересов русского крестьянства и, по соображениям государственной важности, принять меры против заселения Степных областей немцами-колонистами как элементом, не отвечающим задачам русской государственности» [39].

Негативные отзывы по вопросу немецкой колонизации в Сибири звучали и с думской трибуны. Депутат А. П. Трегубов в докладе «О рассмотрении сметы Переселенческого управления» (1910 г.) сообщил, что ссуды немецких переселенцев, составлявшие 160 рублей, в 2–3 раза превышали ссуды, выдаваемые русским крестьянам (50–60 руб.) [57]. Депутат предостерегал об опасности перехода казачьих земель немецким колонистам, «которые не благо несут с собою, а несут с собою только смуту» [б. с. 131]. Заметим, что несколько лет спустя, в 1913 г., тот же Трегубов в своих заметках напишет восторженный отзыв о состоянии немецких селений Сибири, признавая их пользу для хозяйственного развития края: «Великое благодеяние – самодеятельность, которая так развита в немецких общинах, и которой, к сожалению, нет в обществе русских крестьян» [26].

Вышеупомянутое письмо Столыпина Кривошеину было в том числе и реакцией на серию статей, опубликованных в печати. Одной из таких известных публикаций была статья действительного статского советника, участвовавшего в сенаторской ревизии, которую возглавлял граф О. Л. Медем, А. Папкова «Нашествие иностранцев в Западную Сибирь» («Новое время», 18 июля 1910 г.) [21], где автор сигнализировал о распространённой в регионе практике приобретения земельной собственности «иностранцами и евреями в ущерб крестьянам-переселенцам в обход действовавшего законодательства» [21]. Автор связывал явление с вековой колонизационной традицией, которой следовало российское правительство – традицией привилегий. Папков был убеждён, что практика образования поселений инородцев – это «стремление иностранных подданных к захвату территории» [21]. Квалифицируя действия евреев и иностранных переселенцев как незаконные, автор ссылается на 136 статью «Степного положения», в которой запрещается передача земель Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской и Тургайской областей лицам нехристианского вероисповедания и не являющимся российскими подданными. Заметим, что данный аргумент был малоубедитель-

ным, поскольку большинство немецких переселенцев по своей вероисповедальной принадлежности относилось именно к христианам.

В другой статье А. Папкова «Немецкое царство в Западной Сибири на развалинах казацкого владения» (5 ноября 1910 г.), опубликованной в газете «Объединение» [22], автор сообщает, что при попустительстве центральных и местных властей, «иностранцы разных национальностей (немцы, англичане, датчане)» с лёгкостью скупают и арендуют сибирские земли, возводя на них капитальные постройки, что свидетельствует об их долгосрочных планах.

Среди других, привлёкших внимание общественности публикаций, следует назвать статью «Завоевание Сибири немцами», опубликованную в газете «Свет» (11 ноября 1910 г.) [34]. Среди основных идей, транслируемых анонимным автором, публикующимся под псевдонимом Сибиряк, следует упомянуть такие, набравшие популярность идеологические клише, как: «[немецкая] угроза распространяется и на восток», «Дума относится либерально», «пренебрегают историческими правами народа-хозяина», «в Сибири появилось целое немецкое государство». Автор предупреждал общественность, что ныне «Западная Сибирь – немецкая страна, а колонии растут как грибы, в этом нет ничего удивительного», «отношение немецких колонистов к русским переселенцам весьма презрительное и злобное». В конце статьи автор с вызовом констатирует, что «Россия является, вероятно, единственной в мире страной, где инородцы пользуются привилегированным положением..., а во время войны русские должны будут проливать кровь, защищая немецкое благополучие» [34].

Официальный ответ на данные публикации последовал от заведующего переселенческим делом в Акмолинском районе фон Штейна (22 октября 1910 г.) [33]. В предоставленной на имя Кривошеина справке чиновник сообщает, что ситуация, описанная в статьях, не соответствует истинному положению дел. Во-первых, пояснял Штейн, законодательных запретов для переселения немцев не существует, и по закону немецкие переселенцы пользуются равными правами с русскими крестьянами. Во-вторых, он опровергает используемые Поповым показатели относительно количества немецких переселенцев. Чиновник убеждён, что численность последних не превышала 5,6 % прибывших. Штейн также свидетельствовал о том, что немецкие поселения располагались исключительно в Омском, Кокчетовском, Атбасарском, Акмолинском уездах, условия адаптации в которых крайне сложны. Подтверждая, что факт заселения немцами-колонистами казачьей линии действительно имел место, чиновник

уточнял, что упомянутый процесс наблюдается в регионе с 1896 г. и не имеет связи с реформой Столыпина [33].

Тем не менее участие немецких переселенцев в Столыпинской реформе, не будучи ограниченным законодательно, было заблокировано административно. И заметим, что данный процесс происходил без вмешательства премьера, но при его одобрении. В дополнение к территориальным ограничениям в расселении колонистов 7 октября и 28 мая 1910 г., а также 6 июля 1911 г. были разработаны правила, согласно которым немцы и сектанты могли селиться исключительно на участки единоверцев. Это должно было снизить влияние немецкого этнического элемента на русское население [6, с. 35].

Столыпин и «немецкий вопрос» в западных губерниях Российской империи.

Отдельной заботой П. А. Столыпина был так называемый «остзейский вопрос», который, как полагал премьер и другие политики, признающие присутствие данной проблемы в России, отражал привилегированное положение немецкого населения в Западных губерниях (прибалтийских и юго-западных). Столыпин инициировал закон, который ограничивал возможности немецкой колонизации западных губерний – заметного для общественного мнения явления, которое с середины XIX в. поддавалось критике в публицистике Ю. Ф. Самарина, Н. М. Каткова, И. С. Аксакова. Отношение Столыпина к остзейской проблеме может быть раскрыто через полемику Столыпина с временным генерал-губернатором бароном А. Н. Меллер-Закомельским (письма от 14 февраля, 16 марта, 22 апреля, 2 мая, 1 и 4 июня 1908 г.) [39]. В данной переписке поднимались три основные проблемы: 1) кадровая политика в регионе; 2) земельная ситуация; 3) меры по ограничению культурного влияния немецкого населения и степень его политической лояльности.

Письмо от 16 марта 1908 г., адресованное Столыпиным временному генерал-губернатору, касалось проблем кадровой политики [39]. Тот факт, что объективные условия края обеспечили преимущественное участие представителей немецкого населения в распределении административных должностей, способствовало, как полагал политик, повышенному влиянию данного этнического элемента на принятие решений и являлось причиной отдаления окраин от центра. Обращаясь к Меллер-Закомельскому, Столыпин говорил о необходимости изменить этнический состав администрации на территории данных губерний. Политик был убежден, что такие меры «должны послужить сближению Прибалтийской окраины с прочими частя-

ми ... государства и утверждению в ней русской государственности и культуры» [27]. Правительственные органы, настаивал Столыпин, «должны быть русскими, если не по происхождению, то по убеждениям, на них лежит обязанность охранять на окраинах интересы русской государственности, которые, очевидно, должны быть поставлены превыше всяких частных интересов отдельных народностей» [27]. Демонстрируя последовательность в проведении кадровой политики, 3 октября 1908 г. Столыпин отправляет главам министерств и ведомств (В. Н. Коковцову, И. Г. Щегловитову, А. Н. Шварцу, И. П. Шипову, А. В. Кривошеину, Н. К. Шауфусу, П. А. Харитонову) отношения с требованием предоставить информацию о лицах, служащих в Прибалтийском крае, с указанием вероисповедания, происхождения и образовательного ценза [29].

Меллер-Закомельский, который нёс непосредственную ответственность за состояние губерний, был противником какой-либо «этнической квоты», считая её не только бесполезной, но и вредной для дела. Он пытался убедить премьера в том, что «русские не могут быть хозяевами в пограничных местностях России, заселенных инородцами, причем попытка заселять окраины русским элементом оказалась бы бесцельной ввиду того, что русские поселенцы обыкновенно быстро поддаются под влияние той народности, среди коей они водворены» [27]. Как администратор-практик, Меллер-Закомельский был убеждён, что на своих должностях немцы являются незаменимыми, так как знают язык и обычаи региона, к тому же «большинство чиновников всех ведомств из русских, поляков и латышей, отличаясь неустойчивостью политических взглядов, ненадежны с государственной точки зрения» [27]. В заключение он заявил, что без конкретных законодательных изменений приступить к выполнению предложенной Столыпиным кадровой политики он не имеет возможности. Меллер-Закомельский в целом был против кардинального изменения кадровой политики, которая держалась и укоренилась в Прибалтийском крае в течение предыдущего столетия, и которую большинство правых рассматривали как политику привилегий.

Занимая охранительную позицию относительно вверенного ему региона, Меллер-Закомельский также имел своё независимое мнение относительно указа Столыпина, направленного на ограничение процессов расширения немецкого землевладения в трёх юго-западных и прибалтийских губерниях. На этапе корреспонденции законопроект «Об изменении временных правил о водворении в Волынской губернии лиц нерусского происхождения и о распространении дей-

ствия этих правил на губернии Киевскую и Подольскую» ещё не был принят. Он будет подготовлен премьером лишь к осени 1910 г. [2, с. 59], когда Меллер-Закомельский оставит пост временного генерал-губернатора, однако уже в переписке со Столыпиным он высказался весьма категорично против идеи законопроекта. Он полагал, что ограничение раздачи казенной земли православному населению с ограничением прав остзейских немцев приведёт к обострению аграрного вопроса в регионе [29].

Проблему немецких колонистов П. А. Столыпин поднимает и в переписке с В. Н. Коковцевым (от 10 февраля 1908 г.) [39]. Он обращает внимание министра финансов на упомянутую ранее статью «Из Прибалтийского края» и на описываемые в ней явления. Речь шла о том, что местные немцы поддерживают колонизацию германских подданных в западных губерниях. Данное обстоятельство вызывало особые опасения, поскольку грозило, как считал премьер, «превращению Прибалтики в Финляндию», по есть в регион, который может потребовать автономии [39]. В целях усиления русского влияния предлагалось прекратить раздачу казенных земель латышам (кроме православных латышей), а раздавать ее арендаторам, батракам-русским, православным и старообрядцам. Столыпин вновь напоминает о необходимости назначать в край только русских чиновников, а «чиновников-инородцев» перевести в Россию. Он также требовал на выборах в Государственную думу избирать от края по крайней мере одного русского депутата, который мог бы «защищать местные интересы с государственной [то есть пророссийской] точки зрения» [39].

В упомянутой выше полемике Меллер-Закомельского и премьера также не мог не возникнуть знаковый и уже более столетия активно обсуждаемый вопрос о благонадёжности и патриотизме российских немцев, проблеме их политической ориентации на Германию. Столыпин считал, что данная, незримая связь немецкого населения с их этнической родиной должна быть предметом опасений и постоянного контроля [39]. Меллер-Закомельский также не мог отрицать того факта, что немцы действительно испытывают определённое «влечение к Германии», однако данные настроения он считал природно обусловленными «общностью расы, веры, культуры». В этом губернатор, который в силу своих обязанностей поддерживал постоянные контакты с немецким населением, не видел потенциальной опасности. Оппонируя Столыпину, он писал: «Невозможно сделать из немца русского и несправедливо осуждать первого за то, что он хочет быть немцем, оставаясь верноподданным и лояльным» [27].

Комментируя содержание статьи «Из Прибалтийского края», которую премьер также переслал А. Н. Меллер-Закомельскому, губернатор поясняет её характер как один из «примеров обычных сетований русских людей, попавших на окраину и не успевших устроиться в ней согласно своим широким обыкновенно вожделениям» [27]. «Подобные неудачники, — писал губернатор, — большею частью люди без воспитания и образования, не принимаются в местное немецкое общество, а потому, тая в себе чувства зависти и личной обиды, объясняют свою неприязнь к немцам соображениями о предпочтении их русским и о наносимом чрез то ущербе нашей государственности» [27]. Защищая и отстаивая свою позицию, А. Н. Меллер-Закомельский продолжал утверждать, что русские, живущие и служащие в Прибалтике, лишены «сплоченности и воодушевления во имя национальных и государственных интересов», а «вместо преданности долгу перед родиной местные главари интеллигенции толкуют об автономии окраин». И напротив, немцы, по его мнению, являются единственной стабилизирующей силой в крае. Столыпин, комментируя письмо Меллер-Закомельского от 25 апреля 1908 г., не без раздражения высказался: «Воодушевить и сплотить русских — дело его, начальника края» [28; 39].

Тема благонадёжности немецких колонистов была поднята и в письме П. А. Столыпина от 4 июня 1908 г. [39]. На сей раз опасения премьера связаны с деятельностью Германского школьного союза, который, как стало известно, оказывал финансовую помощь немецким школам, расположенным в Прибалтике. Сообщение об этом появилось в газете «Новое время» от 1 июня 1908 г. Губернатор был вынужден провести расследование относительно обсуждаемого предмета. В ответном письме премьеру он сообщил, что данная организация действовала совершенно легально. Он ссылается также на закон о правах преподавания на родном языке в частных учебных заведениях Прибалтийских губерний, принятый Министерством народного просвещения 19 апреля 1906 г. [29]. Дополнительно губернатор сообщает, что более тесное сближение российских и германских немцев началось после «мятежа» 1905–1906 гг., когда латыши «поставили цель изгнания из края немцев». Соглашаясь со Столыпиным и находя деятельность немецких обществ в Прибалтийском крае потенциально опасною для государства, Меллер-Закомельский тем не менее предлагал воздержаться от насильственного закрытия общества и намеревался ограничиться введением строгого контроля над ним [29].

Неожиданно для себя Меллер-Закомельский получил поддержку со стороны министра народного просвещения А. Н. Шварца. 8 июля 1908 г. председательствующий в Совете министров В. Н. Коковцов предложил министру представить свое заключение по вопросу о деятельности Германского союза. В направленном П. А. Столыпину 24 июля 1908 г. секретном сообщении А. Н. Шварц признавал, что правительство в последние годы действительно поддерживало немецкие школы в крае, и связи этих школ с германскими союзами неизбежны [39]. 13 ноября 1908 г. Столыпин направил министру ответное письмо, в котором предлагал принять меры к упорядочению деятельности школ, содержащихся прибалтийскими немецкими обществами [39].

Таким образом, главная цель правительственного курса в отношении Прибалтики и Юго-Западных губерний заключалась, как мог охарактеризовать её П. А. Столыпин, в достижении полного слияния регионов с Россией, под которым понималась не «денационализация», а его мирное приобщение к государственной жизни и возможное сближение с русской общественностью при условии сохранения религиозных и национальных особенностей. Более полно позиция Столыпина была отражена во вступительной части к законопроекту «Об изменении временных правил о водворении в Волынской губернии лиц нерусского происхождения и о распространении действия этих правил на губернии Киевскую и Подольскую» [2]. Однако намеченная программа не была реализована в полном объеме. Во-первых, она встретила упорное сопротивление со стороны фракции «Союза октябристов» [2]. К тому же, уже по получении министром внутренних дел затребованных от губернаторов сведений о русском населении края, стало очевидным, что вследствие своей малочисленности и слабости экономической базы оно не могло конкурировать с немецким ни в экономической, ни в политической областях, а для масштабной колонизации отсутствовали необходимые условия. Эти факторы, вероятно, и предопределили отход правительства от первоначально намеченной линии.

Выводы.

Проведенный нами анализ деятельности П. А. Столыпина в области регулирования внутренних межэтнических отношений подтверждает, что консерватизм проводимой им политики был обусловлен, прежде всего, сложностью исторического периода, на который приходилось время его премьерства. Столыпин, конечно же, не являлся ни мракобесом, ни шовинистом, ни ксенофобом. Он был че-

ловеком, облечённым властью, несшим ответственность за огромный социальный организм, которым являлась Российская империя, и который, подобно любому другому организму, стремится к выживанию. По этой причине его позиция относительно решения этнонациональных проблем и перспектив формирования единой нации носила охранительно-консервативный характер.

Именуя самого себя «представителем мирной русской эволюции», в вопросах национальной политики Столыпин придерживался принципа единства государства, сохранения «тела империи», категорически отрицая какие-либо, пусть даже теоретические, рассуждения о возможности не только административно-этнической, но и экономической и культурной автономии. Его идея о единой великой русской нации базировалась на представлениях о целостности империи, духовном и гражданском объединении входящих в неё народов, а также их сознательной самоидентификации как элементов огромного социального государственного организма. Не отрицая права на этническую самоидентификацию и признавая самоценность каждой из этнических составляющих державы, то есть не намереваясь гомогенизировать империю на словах, Столыпин тем не менее проводил противоречивую политику, которая на практике во многом контрастировала с его теоретическими декларациями. Признавая в целом значимость нетитульных этнических групп и важность трансляции опыта в сфере различных социальных практик, он считал «государственным подходом» умение в вопросах межнациональных отношений подняться над «узкой точкой зрения» – позицией отдельной этнической группы, что в действительности выражалось в отстаивании интересов коренного русского населения империи.

Столыпин возглавил правительство на начальной стадии парламентаризма. Он был первым премьером, который выносил национальные и межэтнические проблемы на обсуждение органов народовластия, ожидая от политиков понимания их миссии и сознательного отношения к принятию решений. В условиях развития и становления демократических процедур ему приходилось не просто администрировать, но и отстаивать свои убеждения в соперничестве и полемике с депутатскими группами, которые представляли те этнические группы, чьи проблемы в масштабе России требовали разрешения. Деятельность Столыпина – это также попытка уравновесить множество векторов и позиций российского общественного мнения, а также первый опыт формирования «практического типа» идеологии по национальному вопросу, непосредственно связанного с при-

кладной политикой. Столыпина можно назвать первым российским официальным идеологом национализма. Он не только реформировал, но и официально презентовал и популяризировал государственную политику по национальному вопросу, а его национализм может быть определён как официально-государственный.

Столыпин никогда не был германофобом. Уклад жизни соседнего государства, личные ментальные характеристики немецкого этноса и политическую систему Пруссии он рассматривал не только как модель, достойную для подражания, но и, по некоторым данным, использовал её для проекта своих реформ. Однако в предложенной им программе «мирной эволюции» государства, политик сделал ставку на активизацию основного социального ресурса империи – российское крестьянство. Признавая значение колонизации и вклад немецких колонистов как отдельного колонизационного потока, он полагал, что на этапе его премьерства необходимой мерой является создание преимущественных условий для развития российского крестьянства. Тем самым государство отдаёт русскому народу тот долг, который был недополучен коренным населением на этапе привилегий, щедро раздаваемых иноземцам. И если его предшественники Ю. Ф. Самарин, И. С. Аксаков, М. Н. Катков отстаивали необходимость унификации, то Столыпин продвинулся намного дальше, требуя урезать права представителей нетитульных этносов. Создавая ещё один подобный прецедент редуцирования прав, которыми периодически изобиловала российская история, премьер легитимизировал возможность новых конфликтов, которые проявят себя в ближайшем будущем на этапе Первой мировой войны.

«В политике нет мести, но есть последствия», – неоднократно повторял Столыпин, призывая депутатов к принятию обдуманых и взвешенных решений. Однако сам Столыпин, похоже, слушал себя без должного внимания. Его политика, возможно, лишь временных, но всё же ограничений этнических прав, была опосредованным вкладом в колониофобию – явление общественного сознания, которое сформировалось во второй половине XIX ст. В этой связи Столыпин определённо несёт ответственность за срыв проекта создания единой нации, которая, на первый взгляд, была одной из основных задач его национальной политики. Столыпин заблокировал формирование политической нации – единственно возможной модели нациестроительства в условиях имперского государства. Курс на преимущественную поддержку титульной этнической группы и урезания прав других просвещённых и консолидированных групп, будучи,

возможно, объективно необходимым, тем не менее создавал условия для обособления, формирования их устойчивой самоидентификации и дифференциации от возможного абстрактного объединения, которым могла бы стать русская нация. Сценарий формирования единой нации в России пошел по консервативному пути, что в условиях России являлось «тупиковым маршрутом». Используя выражение публициста А. Герт, следует признать, что и в проекте нацистроительства смелый и неординарный политик П. А. Столыпин «мечтал о Великой России, но его реформы стали источником «великих потрясений».

Библиографические ссылки

1. *Аврех А. Я.* П. А. Столыпин и судьбы реформ в России / А. Я. Аврех. – М. : Политиздат, 1991. – 286 с.
2. *Баах С. В.* Законопроект П. А. Столыпина об ограничении иностранного землевладения в Юго-Западном крае Российской империи / С. В. Баах // Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие (1871–1941). – М. : ЗАО «МДЦ Холдинг», 2002. – С. 59–71.
3. *Биография П. А. Столыпина* (без автора) // П. А. Столыпин – жизнь и смерть за царя. Речи в Государственном Совете и Думе. – М. : Рюрик, 1991. – С. 8–18.
4. *Бок М. П.* П. Н. Столыпин. Воспоминания о моём отце / М. П. Бок. – М. : Новости, 1992. – 352 с.
5. *Бородин А. П.* Столыпин. Реформы во имя России / А. П. Бородин. – М. : Вече, 2004. – 384 с.
6. *Вибе П. П.* Немецкие колонии в Сибири: социально-экономический аспект / П. П. Вибе. – Омск : Изд-во ОмГПУ, 2007. – 368 с.
7. *Дякин В. С.* Был ли у Столыпина шанс? / В. С. Дякин. – СПб. : ЛИСС, 2002. – 358 с.
8. *Дякин В. С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – нач. XX в.) / В. С. Дякин. – СПб. : ЛИСС, 1998. – 1000 с.
9. *Ефремов П. Н.* Столыпинская аграрная политика / П. Н. Ефремов. – М. : ОГИЗ, 1941. – 144 с.
10. *Зайцева Л. И.* Аграрная реформа П. А. Столыпина в документах и публикациях конца XIX – нач. XX в. / Л. И. Зайцева. – М. : РАН, Институт экономики, 1995. – 178 с.
11. *Замойский Л. П.* За фасадом масонского храма / Л. П. Замойский. – М. : Олма-Пресс, 2001. – 305 с.
12. *Кара-Мурза С. Г.* Столыпин – отец русской революции / С. Г. Кара-Мурза. – М. : Алгоритм, 2002. – 256 с.
13. *Катков М. Н.* Собрание передовых статей «Московских ведомостей» / М. Н. Катков. – М. : Тип. В. В. Чичерина, 1897. – 811 с.

14. Ковенская губерния // Брокгауз и Евфрон : энциклопедия в 86 т. – СПб. : Брокгауз и Евфрон, 1895. – Т. 15 а.
15. *Коковцов В. Н.* Из моего прошлого. Воспоминания 1911–1919 / В. Н. Коковцов. – М. : Современник, 1991. – 590 с.
16. *Курлов П.* Конец русского царизма / П. Курлов. – Пг, М., 1923. – С. 114.
17. *Малиновский Л.* Столыпинская реформа и немецкая деревня в России 1900–1917 / Л. Малиновский // Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие (1871–1941). – М. : ЗАО «МДЦ Холдинг», 2002. – С. 119–125.
18. *Меньшиков М. О.* Разбитый крест // Новое время. – 1911. – 9 сентября.
19. Новое время. – 1908. – 1 марта.
20. Окраины России. – 1911. – № 14.
21. *Папков А.* Нашествие иностранцев в Западную Сибирь («Новое время») / А. Папков // Немцы в Сибири : сб. док. и матер. по истории немцев в Сибири, 1885–1917. – Омск, 1991. – С. 140–142.
22. *Папков А.* Немецкое царство в Западной Сибири на развалинах казачьего владения (5 ноября 1910) / А. Папков // Немцы в Сибири : сб. док. и матер. по истории немцев в Сибири, 1885–1917. – Омск, 1991. – С. 135–139.
23. П. А. Столыпин: Биохроника. – М. : РОССПЭН, 2006. – 376 с.
24. П. А. Столыпин – жизнь и смерть за царя. Речи в Государственном Совете и Думе. – М. : Юрик, 1991. – С. 111–115.
25. П. А. Столыпин. Реформы во имя России. – М. : Вече, 2004. – 380 с.
26. По новым местам: Переселение в Сибирь в 1913 г., впечатления и заметки по поездке в заселяемые районы Сибири члена Государственной думы А. Л. Трегубова. – СПб., 1913. – С. 29–30, 33, 36–37.
27. Приложение к письму Столыпин П. А. – Меллер-Закомельскому А. Н. от 16 марта 1908 г. // Столыпин П. А. Переписка. – М. : РОССПЭН, 2004. – Режим доступа : www.hrono.ru/libris/stolipin/stpl_meller.htm
28. Приложение к письму Столыпина П. А. – Меллер-Закомельскому А. Н. от 2 мая 1908 г. / П. А. Столыпин // Столыпин П. А. Переписка. – М. : РОССПЭН, 2004. – Режим доступа : www.hrono.ru/libris/stolipin/stpl_meller.htm
29. Приложение к письму Столыпин П. А. – Меллер-Закомельскому А. Н. от 4 октября 1908 г. // Столыпин П. А. Переписка. – М. : РОССПЭН, 2004. – Режим доступа : www.hrono.ru/libris/stolipin/stpl_meller.htm
30. *Пятницкий Н. А.* П. А. Столыпин / Н. А. Пятницкий // Возрождение. – Тетрадь 117. – Париж, 1961. – С. 53.
31. *Розанов В. В.* Историческая роль Столыпина // Новое время. – 8 октября 1911.
32. *Сидельников С. А.* Аграрная реформа Столыпина / С. А. Сидельников. – М., 1973.

33. Справка заведующего переселенческим делом в Акмолинском районе фон Штейна в связи с публикациями в газетах о водворении немцев в Степном крае (22 октября 1910) // Немцы в Сибири : Сб. док. и матер. по истории немцев в Сибири, 1885–1917. – Омск, 1991. – С. 130–135.

34. Статья в газете «Свет» «Завоевание Сибири немцами» (11 октября 1910) // Немцы в Сибири : Сб. док. и матер. по истории немцев в Сибири, 1885–1917. – Омск, 1991. – С. 127–130.

35. Столыпин П. А. Об отношении к Финляндии. Речь на заседании Государственной Думы 21 мая 1910 г. / П. А. Столыпин // П. А. Столыпин – жизнь и смерть за царя. Речи в Государственном Совете и Думе. – М. : Рюрик, 1991. – С. 144–156.

36. Столыпин П. А. Ответ на выступление В. Маклакова. Речь на заседании Государственной Думы 16 ноября 1907 г. / П. А. Столыпин // П. А. Столыпин – жизнь и смерть за царя. Речи в Государственном Совете и Думе. – М. : Рюрик, 1991. – С. 111–115.

37. Столыпин П. А. Ответ на запрос членов Государственной Думы. Последнее публичное выступление П. А. Столыпина 27 апреля 1911 / П. А. Столыпин // П. А. Столыпин. Жизнь и смерть за царя. – М. : Рюрик, 1991. – С. 165–174.

38. Столыпин П. А. Первая речь П. А. Столыпина в Третьей Государственной Думе, произнесённая 16 ноября 1907 г. / П. А. Столыпин // Нам нужна великая Россия. – М. : Молодая гвардия, 1991. – С. 98–102.

39. Столыпин П. А. Переписка / П. А. Столыпин. – М. : РОССПЭН, 2004. – 490 с.

40. Столыпин П. А. Речь о крестьянской земельной собственности, произнесённая в Государственном совете 26 марта 1910 г. / П. А. Столыпин // Нам нужна Великая Россия... – М. : Молодая гвардия, 1991. – С. 252–258.

41. Столыпин П. А. Речи о новых законах, касающихся Финляндии, произнесённые в Государственном Совете 8 и 11 июня 1910 г. / П. А. Столыпин // Нам нужна великая Россия. – М. : Молодая гвардия, 1991. – С. 305–313.

42. Столыпин П. А. Речи о земских учреждениях в Западном крае, произнесенные в Государственном совете от 1 февраля 1911 г. / П. А. Столыпин // Нам нужна Великая Россия. – М. : Молодая гвардия, 1991. – С. 326–338.

43. Столыпин П. А. Речь по поводу законопроекта о распространении земского положения 1890 г. на девять губерний западного края / П. А. Столыпин // Нам нужна великая Россия. – М. : Молодая гвардия, 1991. – С. 270–285.

44. Столыпин П. А. Речь о крестьянской земельной собственности, произнесённая в Государственном совете 26 марта 1910 г. / П. А. Столыпин // Нам нужна Великая Россия. – М. : Молодая гвардия, 1991. – С. 252–258.

45. *Столыпин П. А.* Речь по поводу законов о выборах членов Государственного совета от девяти Западных губерний, произнесённая 8 мая 1909 г. / П. А. Столыпин // Нам нужна Великая Россия. – М. : Молодая гвардия, 1991. – с.
46. *Столыпин П. А.* Речь по поводу законопроекта о распространении земского положения 1890 г. на девять губерний западного края / П. А. Столыпин // Нам нужна великая Россия. – М. : Молодая гвардия, 1991. – С. 270–285.
47. *Столыпин П. А.* Речь по вопросу о национальных отделениях в Государственном совете от 4 марта 1911 г. / П. А. Столыпин // Нам нужна Великая Россия. – М. : Молодая гвардия, 1991. – С. 339–340.
48. *Столыпин П. А.* – Кривошеину А. В. Переписка, май 1911 г. (черновик письма) // Столыпин П. А. Переписка. – М. : РОССПЕН, 1904. – С. 416.
49. *Столыпин П. А.* – Святополку-Мирскому П. Д.: письмо от 28 февраля 1903 г. / П. А. Столыпин // Переписка. – М. : РОССПЭН, 2004. – Режим доступа : www.hrono.ru/libris/stolipin/stpl_meller.htm
50. *Столыпин П. А.* – Столыпиной О. Б.: письмо от 15 июня 1904 г. // Свободная мысль. – 1993. – № 13. – С. 100–101.
51. *Тарасов Б. Н.* Чаадаев / Б. Н. Тарасов – М. : Мол. гвардия, 1990. – 575 с.
52. *Трегубов А. П.* Из речи члена Государственной Думы о ссудной помощи переселенцам / А. П. Трегубов // Немцы в Сибири : сб. док. и матер. по истории немцев в Сибири, 1885–1917. – Омск, 1991. – С. 127.
53. *Харизоменов.* Саратовская губерния / Харизоменов // Брокгауз и Ефрон : энциклопедия в 86 т. – СПб. : Брокгауз и Ефрон, 1900. – Т. 28а.
54. *Федоров Б. Г.* Петр Столыпин: «Я верю в Россию»: Биография П. А. Столыпина / Б. Г. Фёдоров. – СПб. : Лимбус Пресс, 2002. – 622 с.
55. *Шмит Е. О.* Ответ Степного генерал-губернатора министру внутренних дел П. А. Столыпину по поводу статьи в газете «Объединение» (3 декабря 1910) / Е. О. Шмит // Немцы в Сибири : сб. док. и матер. по истории немцев в Сибири, 1885–1917. – Омск, 1991. – С. 139.
56. *Шперк Ф.* Гродненская губерния. // Брокгауз и Ефрон : Энциклопедия в 86 т. – СПб. : Брокгауз и Евфрон, 1893. – Т. 9а.
57. *Шубинский Н. П.* Памяти П. А. Столыпина / Н. П. Шмит // П. А. Столыпин – жизнь и смерть за царя. Речи в Государственном Совете и Думе. – М. : Рюрик, 1991. – С. 19–29.